

Едихан Шаймерденулы Сабит

АПАТАЙЫМ

Родился я в мае 1942 года в городе Алматы в семье военного в звании капитана. Мама – студентка Казахского женского педагогического института. Осенью 1943 года я сильно заболел, перестал принимать еду и через месяц уже опух от голода. Мать выстояла очередь к очень известному детскому врачу, эвакуированному из Украины.

Доктор обычно тратил несколько минут на осмотр больного ребёнка и выдавал точный диагноз и способ лечения. Меня же он осматривал и выстукивал полчаса, и очередь уже начала роптать. Поглаживая роскошную ассирийскую бороду, он сказал:

– Невероятный случай! Вот ваш номерок, чтобы вы не стояли в очереди. Через два дня в назначенное время приходите, а я пороюсь в своих записях, а заодно и в записях своего отца и даже деда – не было ли в их практике подобного случая.

После повторного осмотра доктор вынес свой окончательный диагноз:

– У мальчика нет никакой болезни, но если Вы не вывезете его из города в течение трёх дней, максимум – недели, то он умрёт. Скажите, есть ли к кому его вывезти, и где эта местность? Мама сказала:

– Есть бабушка в песках Прибалхашья, и первого внука она конечно примет!

– Замечательно! Это как раз идеально подходит для ребёнка – сухой климат и здоровое питание. И постарайтесь вывезти его отсюда как можно быстрее!

Мать на следующий же день доехала до посёлка – речного порта Илийский, нынешний город Капчагай. На палубе парохода, буксировавшего баржу с грузом муки, крупы и сахара, плиточного чая для чабанов, мы поплыли до посёлка Бала-Топар. Дул холодный осенний ветер, и капитан, увидев, что я дрожу от холода, завернул меня в свой бушлат и отнёс в каюту, где было тепло. Я пригрелся и уснул, проснулся только в Баканасе.

Так, в каюте капитана, я и ночевал, пока мы не доплыли до посёлка Бала-Топар, который состоял из нескольких домишек. Там мы жили несколько дней, а потом на лошади приехала бабушка.

Увидев внука, она взяла меня на руки и расплакалась. Я же, жалея её, стал ручонками вытирать её слёзы, чем привёл бабушку в изумление:

– Айналайын! Ты теперь всегда будешь моей единственной радостью!

Как оказалось, она выполняла свою клятву до последнего вздоха.

Потом она попрощалась со своей дочерью и повезла меня в свой зимник. По дороге она преподавала мне первые уроки езды на коне. Когда конь подымался в горку – она говорила:

– Нагибайся к шее лошади! И сама нагибалась вместе со мной вперёд. А когда конь спускался под гору – она говорила:

– Отгибайся назад и помогай лошади!

Так мы доехали до зимника, построенного из самана – глины с соломой. В это время у бабушки на руках были двое из шести её детей – девочка Топен старше меня на два года и мальчик Куанышбек младше меня на полгода. Пока они росли вдвоём, они часто ссорились, но с моим появлением восстановилась обычная детская иерархия. Топен взяла на себя роль старшей, а мы с дядей охотно ей подчинялись.

Зимой 1945 года из госпиталя вернулся дедушка Белгожа, и сразу жизнь стала намного легче. Один раз, когда мне было года четыре, родители отвезли меня в город на зиму, но через некоторое время я стал снова болеть, тело покрылось сыпью, и тот же доктор рекомендовал отвезти меня назад в пески...

Бабушка поняла, что я наделён необычными способностями. Часто, когда я впадал в состояние медитации, она просила своих детей не шуметь – внук общается с аруахами, духами предков!

Как-то бабушке не хватило хвороста сварить надоенное от овечек молоко и ужин. Меня бабушка не отпускала от себя ни на минуту, поэтому когда пошла за топливом взяла меня с собой. Когда мы вернулись назад, дедушка уже пригнал стадо. Он всегда привозил нам на лакомство – печёного в золе зайца, и мы втроём, разрывая его на части, съедали даже не добежав до юрты...

В этот раз дедушка отдал печёного зайца старшей Топен, а сам пошёл загонять овец в кошару. Голодные дети его съели, не оставив мне даже кусочка. К этому времени мы уже с бабушкой вернулись с хворостом, и по измазаным золой, чумазым лицам детей я понял, что они съели зайчика и мне ничего не досталось...

Я начал плакать, причитая, что я здесь без отца и матери, чем привёл бабушку в состояние ярости. Я никогда больше не видел у неё такого гневного лица и не слышал тех слов, которые она высказала дедушке и своим детям. Чтобы успокоить меня она нашла несколько кусочков курта и отдала их мне, чтобы я перестал плакать...

Я съел курт, успокоился, забился за сундук и погрузился в состояние медитации...

Через полчаса начался небывалый ураган. Ветер начал срывать юрту и, чтобы её не унесло, дедушка с бабушкой повисли на уыках (каркасе) юрты, а дети держались за кереге (нижние решётки). Но ветер становился ещё яростнее, и через некоторое время бабушка, обращаясь ко мне, взмолилась:

– Айналайын! Прости нас! Дедушка сделал это не нарочно, а дети очень хотели есть! Ты останови ветер, иначе, если он унесёт юрту, мы все и ты тоже умрём от холода. Я сейчас сварю для вас вкусный суп!

Действительно, я послушался бабушку, и ветер внезапно, как и начался, стих. Наступило полное затишье. С этого дня дедушка тоже понял, какого внука он получил от Тенгри и обращался со мной с величайшим почтением...

Быстро пролетело золотое детство, и осенью 1949 года отец и мать приехали за мной на грузовике. Бабушка дала маме мешочек с песком родины, велела маме поить меня отваром из этого песка родины, когда я

начну тосковать по стране своего детства...

Отец посадил маму в кабину, а мы, двое мужчин, накрылись кошмой в кузове. Через пару дней доехали до станции Отар.

Вышедший из здания русский мужчина и пригласил нас зайти в помещение, а мне дал горсть семечек. Я видел их в первый раз и, взяв несколько семян, стал их жевать... Станционный служащий рассмеялся и показал, как надо семечки щёлкать. Но тут вдруг ниоткуда раздалась музыка. Присмотревшись, я понял, что музыка исходит из ящика... Это меня так поразило, что я попросил открыть ящик, чтобы мог увидеть человечков, которые сидят в ящике и играют и поют. О том, что это радио, я даже и не знал. Так состоялось моё первое знакомство с элементом другой цивилизации.

Вначале мы поселились на станции Алма-Ата 1 у маминого родственника, железнодорожного рабочего. Конечно, мы очень стеснили семью и летом переехали в Малую станицу в служебный дом на два хозяина. Дом стоял на территории грузового автопарка, где отец устроился работать диспетчером. Отсюда и началась его карьера работника автотранспорта.

Пока разгружали мебель, стемнело и меня положили спать на кровать, стоящую в саду...

Проснувшись, я решил, что нахожусь в раю. Над кроватью свисали созвездия золотых шаров, рядом росли мальвы разных цветов – от белого до ярко-красного, а над головой, прямо у моего рта висели синеватого цвета с сизым отливом плоды...

Я долго лежал, боясь спугнуть этот чудный сон, и чтобы узнать, в раю ли я нахожусь, протянул руку и коснулся плода. Это оказалась слива. Она была ещё не совсем спелая, но я сорвал плод и надкусил его. Попробовав впервые вкус этих райских плодов, я решил, что когда я вырасту, то у меня будет свой сад, и я буду в нём отдыхать.

Осенью я пошёл в школу. Учиться мне было нетрудно, потому что мама раньше научила меня читать и писать. Здесь, в казачьей станице, я впервые столкнулся с проявлением межнациональной розни.

В школу я ходил вместе с соседской девочкой Мاديной. Её родители были курды, выселенные с родных мест в сороковые годы. Отец Мадины дядя Гасан работал водителем грузовика, а мать домохозяйкой.

В один из дней, после занятий, меня окружили ребята из старших классов и привели к дому с садом, но его окружал высокий забор.

Мадина видела, что меня ребята куда-то повели. Но она не стала кричать, а тихо проследовала за нами.

Ребята предложили мне проползти через отверстие для полива внизу забора. Они в это узкое отверстие пролезть не могли, а я, по их мнению, вполне мог проползти.

– Ты пролезь в сад и перебрось нам через забор яблоки и груши. Собаки во дворе нет! Как только ты набросаешь нам яблок и груш, то вылезай через арык назад, и мы дадим тебе столько, сколько влезет в твои карманы!

– Я никуда не полезу! Это чужой сад и нужно попросить разрешения у

хозяев. Тогда они сами дадут то, что вы просите!

– Вот ещё! Дадут они, у них снега зимой не выпросишь! Лезь сейчас же, иначе мы тебя забьём здесь.

Они подтащили меня к отверстию, но я стал отбиваться, и они начали бить меня, а один из них ударил меня сзади камнем по голове. Я потерял сознание, и они, решив, что убили меня, оттащили и бросили в яму и, забросав ветками и листьями, убежали.

Мадина запомнила это место, побежала домой и сообщила моей маме о случившемся. Мать, конечно, как была в халате и тапочках прибежала, откопала меня и окровавленного принесла в наш медпункт при автобазе. Там меня перебинтовали и мать отнесла меня в дом. Когда я пришёл в сознание, то я услышал как мой отец и отец Мадины разговаривают с несколькими людьми – это были молодые водители, чеченцы и курды. Они просили по обычаю разрешения у старших на проведение «воспитательной акции» против родителей этих мальчиков. Особенно горячился худой, рыжий чеченец Салман:

– Вы не знаете этих мерзавцев! Я хорошо изучил их, когда они выселяли нас зимой из Чечни в Казахстан в голую степь. Если бы не благородство казахов, приютивших нас, то мы бы не выжили там! Оккупанты понимают только закон силы и если их избить до полусмерти, то они очень хорошо усвоят урок, да еще будут любить своих мучителей! Такова их рабская сущность!

Отец пытался решить всё миром, и возражал против каких либо незаконных действий.

– Да вы поймите! Эти, как вы говорите дети, вели себя как опытные преступники. Совершив, как им показалось убийство, они спрятали тело мальчика, уничтожив все следы и сбежали.

Поняв, что мой отец против любых неправовых действий, они обратились к отцу Мадины:

– Если мы сейчас не дадим достойного ответа, то они следующей жертвой выберут Вашу дочь. И им ничего не будет по закону, как малолеткам! Вы скажите своё слово, как представитель репрессированного народа!

Дядя Гасан попросил всех выйти и остыть, а сам обратился к моему отцу, назвав его по арабской транскрипции:

– Уважаемый Шах-и-Мардан (перевод – Великий полководец). Думаю, что Вам, как пострадавшей стороне, нужно дать разрешение молодёжи на ответные действия, чтобы оградить наших детей от дальнейших бед!

– Я согласен. Пригласите сюда ребят!

Когда они вошли и снова расселись за столом, отец сказал:

– Мы вместе с уважаемым Гасаном даём разрешение на ответные действия, но только без жертв! Просто проведите «воспитательную работу» со взрослыми, а детей не трогайте ни в коем случае!

– Хорошо Шаке! Мы выполним все Ваши условия! Будьте уверены – воспитуемые надолго запомнят преподнесённый урок!

Всю эту беседу я слышал и видел из соседней комнаты и запомнил всех присутствовавших при этом.

На следующий день молодые курды и чеченцы привезли в легковой машине Мадину к школе к окончанию второй смены, и она указала на мальчиков, избивших меня.

За каждым из них ребята проследовали до дома и записали номера домов. Ближе к полуночи они, группами ворвались в эти дома и провели «воспитательную работу». Уходя, они пригрозили избитым до полусмерти хозяевам:

– Если что-то случится подобное с любым ребёнком из нацменьшинств, то они придут снова, и тогда уже, разбитыми лицами обойтись не удастся!

Отлежавшись, я снова пошёл в школу, но обратил внимание на то, что вокруг нас с Мадinou образуется какое-то пустое пространство – дети «белых людей» оббегали вокруг нас...

Я никогда больше не видел Мадины и её родителей, но навсегда сохранил благодарность к доброму и благородному курдскому народу.

В поселковой школе я проучился всего одну четверть, а потом мы переехали на улицу Интернациональная и Гоголя, и там меня отдали в школу № 5, в которой когда-то учился Михаил Васильевич Фрунзе, отец лётчика Тимура Фрунзе.

Я тогда ещё не знал, что это подсказка на будущее, но при вспоминании самой трудной, малообозначенной предпоследней жизни мне это очень помогло.

Летом 1952 года мы переехали в пригородный посёлок Тастак, потому что я в городе снова начал болеть. Родители решили построить каркасно-камышитовый дом. Быстро выздоровев в посёлке, я вскоре уже с соседскими ребятами бегал на речку Большая Алматинка, купаться в запруде.

Осенью я пошёл в сельскую семилетку в третий класс. Учиться мне было легко и просто, и я не мог понять – почему детям тастакских колхозников с трудом давалась не только арифметика, но и их родной русский язык. Позже, получив Просветление и зная свои прошлые жизни, я понял, что эти знания они получают, возможно впервые, в отличие от меня, окончившего в прошлой жизни московскую спецшколу для детей членов правительства. Там преподавали специалисты высшего класса, а благодаря своей воспитательнице Мелите Станчик, я ещё и превосходно говорил на немецком языке и мог читать в подлиннике Шиллера и Гёте. А потом, по настоянию приёмного отца – К. Ворошилова, учился в Артиллерийской школе, где получил прекрасное техническое образование.

Позже я понял, что не случайно на военной кафедре в своём Политехническом институте получил военную специальность артиллериста, командира батареи противотанковых реактивных установок и 100-мм. пушек системы «Рапира» и стажировался в том же артиллерийском полку в Гороховце под Нижним Новгородом (бывший Горький), где учился на артиллериста Тимур Фрунзе. Возможно он спал в той же казарме, питался в той же столовой и вёл боевые стрельбы из пушек на том же полигоне...

Не случайно, я во время большой перемены выучил целиком стихотворение М. Лермонтова «Бородино». Получилось, что весь класс не подготовил домашнее задание по русскому языку, и чтобы всем не поставили «двойки», ребята попросили меня вызваться на уроке прочесть это стихотворение. Я тоже был очень занят домашними делами и также не выучил урок, но чувство ответственности и доверие ребят заставили меня мобилизоваться и сесть за учебник...

Удивительно легко строки стихов вошли в моё сознание... Было ощущение – что я когда-то уже знал это. На уроке я вызвался прочитать домашнее задание. Было видно, что старенькая учительница вместе со мной отключилась от этого мира и пришла в себя только тогда, когда я произнёс последние слова стихотворения.

– Вот, смотрите дети, как надо знать и любить родную литературу! – произнесла она.

Я охотно помогал своим одноклассникам, а к одному из них, оставленному на осень для пересдачи по арифметике, я был прикреплен, чтобы «подтянуть» его по этим предметам. Через день я приходил к нему домой, мы решали с ним задачи из учебника, а осенью он сдал эти предметы на «хорошо», так мы с ним и проучились до окончания семилетки.

На выпускном вечере в честь окончания школы, преподавательница истории Таисия Кузьминична Варакина отвела меня в сторону и дала мне напутствие:

– Я давно к тебе присматриваюсь и полагаю, что тебе будет очень трудно жить из-за твоей прямоты и тяги к справедливости! Ты выбери себе профессию, связанную только с техникой. Железо тебя не предаст, не напишет на тебя донос. Очень многих из моих знакомых, порядочных и честных людей, отправили в лагеря только за то, что они говорили правду. Послушайся меня, исполни, пожалуйста, мою просьбу – никогда не выбирай профессию, связанную работой с людьми!

Получив похвальную грамоту круглого отличника, хотел поступать в техникум связи, потому что за среднее образование тогда нужно было платить сумму, которую наш семейный бюджет выдержать не мог. Работал только отец, а мать была занята тем, как накормить и обстирать семерых детей и родственников, живших в нашей семье.

Я уже собрался подавать документы в техникум, как объявили Решение правительства «О введении всеобщего среднего образования с осени 1957 года».

Отец сказал:

– Раз правительство идёт тебе навстречу, то иди в среднюю школу, а по окончании, поступай в институт, какой сам выберешь!

Я посчитал это случайным совпадением, но по окончании средней школы вышло Постановление правительства о создании Политехнического института на базе Горно-металлургического и открытия в нём факультета «Автоматики и вычислительной техники».

Так, сама судьба вела меня практически за руку, и я выполнил просьбу

своей учительницы, выбрав профессию, никак не связанную работой с людьми. В детстве у меня несколько раз были сильнейшие приступы тоски по стране своего детства. Мама помнила наказ бабушки и заваривала для меня песок из мешочка, который мне дали в дорогу. Боль проходила, но через некоторое время болезнь вновь давала о себе знать.

В шестидесятые годы дедушка умер от старых ран, полученных в 1944 году в боях за Прибалтику, бабушка вышла на пенсию и жила со своим сыном, моим дядей Балтаем, к которому я стал ездить на охоту с девятого класса. Отец, в ответ на мою просьбу – купить мне в подарок на день рождения велосипед, подарил мне двухствольную, курковую «Тулку». На мой вопрос – почему мне доверяется огнестрельное взрослое оружие, а не подростковый велосипед – ответил:

– Я почти каждую неделю читаю сводки об авариях и почти половина погибших в ДТП – это велосипедисты. Ты можешь погибнуть, а ещё хуже, стать инвалидом – не по своей глупости, а по чужой вине. А за оружие ты будешь отвечать сам и, если будешь выполнять все правила безопасности при обращении с оружием, то я уверен, что при твоей аккуратности и ответственности несчастный случай почти исключён!

В начале каждого лета бабушка стала приезжать в город и, нанеся положенные визиты в семьи своих детей и родственников, она жила в нашем доме. Она как и в детстве продолжала ухаживать за мной, хотя у меня было уже пять младших братьев и сестра – её внуков, она ждала, когда я вернусь с занятий в институте и готовила для меня еду и с умилением смотрела, как я ем, а потом пью чай. Если у меня была экзаменационная сессия, и я ночами чертил курсовые проекты по сопромату, теоретической механике, проектированию точных механизмов и машин, то она дежурила на кухне и подогривала мне чай.

Однажды я тушью вычерчивал очередной чертёж, и чтобы не уснуть, заварил тогдашнее кофе из смеси жареных жёлудей, цикория и молотых кофейных зёрен. Пока я работал, бабушка несколько раз приносила мне крепко заваренный чай...

Когда же я заваривал кофе, она прилегла отдохнуть. Сахар в «кофе» я не положил и молока тоже не налил. Кофе дало временный эффект, вскоре я снова начал дремать и, чтобы не испортить чертёж, я закрыл крышечкой пузырёк с тушью, вымыл в воде рейсфедер и вышел в сад подышать уже утренним воздухом...

Бабушка в это время проснулась и зашла в мою комнату, где её внимание привлекла чашка недопитого кофе. Цвет «кофе» и туши был одинаково чёрным, и она попробовала на язык мой напиток из чашки...

Вкус этого пойла поверг её в ужас. Она разбудила маму в панике, что внук перетрутился и стал пить сия – чернила. Мама конечно всполошилась, прибежала в комнату, попробовала из чашки и успокоила бабушку:

– Это не чернила, а кофе! И внук пьёт это для того, чтобы не уснуть!

Цвет, вкус и особенно запах напитка вызвал у бабушки особое отвлечение, впоследствии она не могла даже слышать слово «кофе». Она

выговаривала на казахский лад «копа», потому что в нашем языке нет звуков «в» и «ф», «ц» и «ч».

Так продолжалось до 1973 года. Бабушка почему-то приехала не летом, а в октябре месяце, остановилась на городской квартире у моих родителей. Узнав о её приезде, я примчался к ней и первым делом спросил:

– Апатай! Ты же всегда приезжала летом, а домой уезжала, когда, осенью у нас в посёлке начинали топить печи и стоял густой дым?

– Мне так нужно! Садись, я поставлю для тебя чай!

С этими словами она ушла в свою комнату, а вернулась уже одетая по-парадному – новое платье и камзол, голова повязана белым платком. Стоя стала наливать мне чай. Я удивился:

– Апатай! Почему ты стоишь? Ведь тебе же так неудобно!

– Я не имею права сидеть в Вашем присутствии! Прошу Вас, не препятствуйте мне исполнять свой долг!

Я решил, что бабушка просто «чудит», и не стал мешать ей. Бабушка, совершив до конца обряд, сказала:

– Пойдем – я буду прощаться с тобой!

Я проводил её до тахты в зале, где она дала мне бата (благословение), **высказала свою последнюю волю и пожелания, которые я запомнил на всю жизнь.**

Её наказания помогли мне выполнить своё предназначение и, возможно, спасли жизнь.

Уходя, я оглянулся на бабушку. Она сидела на тахте гордо распрямив спину, в её глазах я прочёл:

– Это я вырастила своего внука, и он прославит наш народ!

Когда утром позвонила мама, и в её плаче я расслышал слова – «этой ночью бабушки не стало», я понял, почему она так вела себя.

Моё горе было беспредельно, но мама утешала меня:

– Не плачь, не убивайся! Она перед смертью разбудила меня и сказала:

– Я хочу тебе кое-что сообщить перед тем, как покину этот мир! Чти и уважай моего любимого внука! У него особая дорога перед Богом, он освободит наш народ и отведёт его на Жер-Уюк! Там я буду ждать его, и мы все встретимся на Жер-Уюке и не расстанемся никогда!

Пусть будет так! Қош аман бол апатайым! До встречи на Жер-Уюке!